

Тулинова Т.А., студентка 4 курса Института филологии и межкультурной коммуникации
Богумил Т.А., доктор филол. наук, доцент кафедры литературы
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ИМЯТВОРЧЕСТВО СЕМЁНА КИРСАНОВА: ПСЕВДОНИМ, АНАГРАММА, МИФОПОЭТИКА

Аннотация. В работе впервые прослежены различные формы работы поэта Семёна Кирсанова с именем: псевдоним (в творческой биографии), анаграмма (в сфере звуко-буквенной организации текста), мифопоэтика (в области автомифотворчества). Представлен анализ самономинаций поэта в лирических произведениях, создающих мифологизированный образ автора: Икар, «циркач стиха», «паучок-циркач» и «поэт-фокусник». Инвариантом является уподобление стихотворчества полету (акробатике) с риском для жизни.

Ключевые слова: ономапозтика, мифопоэтика, авангард, имя, псевдоним, анаграмма.

T.A. Tulinova,
T.A. Bogumil

THE CREATION OF SEMYON KIRSANOV: PSEUDONYM, ANAGRAM, MYTHOPOETICS

Abstract. The work for the first time traces various forms of work of the poet Semyon Kirsanov with the name: pseudonym (in the creative biography), anagram (in the sphere of sound-letter organization of the text), mythopoetics (in the field of auto-myth-making). An analysis of the poet's self-nominations in lyrical works is presented, creating a mythologized image of the author: Icarus, "circus performer of verse", "spider-circus performer" and "poet-magician". An invariant is the likening of poetry to flight (acrobatics) with a risk to life.

Key words: onomapoetics, mythopoetics, avant-garde, name, pseudonym, anagram.

Одной из важнейших составляющих человеческой личности является имя. С древнейших времён ему придавали сакральное значение. Существует мнение, что имя определяет характер человека и влияет на его судьбу. Ежи Фарино в учебном пособии по литературоведению отмечает, что «в бытовом сознании преобладает представление о неразъединяемости имени и носящей это имя личности, хотя с лингвистической точки зрения связь имени с личностью истолковывается как чисто условная» [10, с. 140]. В словаре В. И. Даля имя определяется как «название, именованье, слово, которым зовут, обозначают особь, личность» [2, с. 43]. Из этого определения понятно, что имя соотносится с человеком. Об этом пишет и А. Ф. Лосев в работе «Миф – развернутое магическое имя»: оно «предполагает ту или иную личность» [7, с. 404]. Далее исследователь говорит о диалектическом соотношении «Имени» и «Сущности», отмечая прямую зависимость одного от другого. В этом выражается диалектика имени. Имя позволяет выделить человека из числа других людей, дает ему возможность ощутить себя отдельной личностью: «Имя сущности есть понятая, уразуменная сущность, отлученная и узнанная среди всего прочего» [7, с. 407]. У каждого имени есть свое толкование, в котором выражается отличительная черта носящей его личности. П. А. Флоренский пишет о том, что имя – это «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [11, с. 463]. Иными словами, имя есть проявление внутренней природы человека. Имя, с одной стороны, оказывает влияние на характер человека, с другой – обозначает главенствующее качество личности, выражает духовную составляющую: «Итак, именем выражается тип личности,

онтологическая форма её, которая определяет далее духовное и душевное строение» [11, с. 496].

С таким представлением об имени связана номинация персонажей в художественных текстах, где имя отражает характер персонажа и зачастую прогнозирует его судьбу в рамках сюжета. Одни писатели уделяют этому большее значение, другие – меньшее, но никогда имя героя не бывает случайным: «Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [11, с. 465]. Так через номинацию в литературном произведении уже закладываются некоторые смыслы, которые в дальнейшем повествовании раскрываются и развиваются.

Имя можно понимать в узком смысле – собственно имя, и в широком – в совокупности с отчеством и фамилией. П. А. Флоренский пишет о том, что «отчество подчеркивает в имени духовную связь с отцом, а фамилия – с родом» [11, с. 515-516]. Так человек, ощущая себя как отдельную личность, одновременно с этим понимает свою сопричастность предкам. Во все времена связь с родом была важна для людей. Однако существовало и противоположное явление, связанное с отказом от данного при рождении имени. Причины у этого разные: «перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром, влечет за собою переименование, или, с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни» [11, с. 517]. Об этом рассуждает Ежи Фарино: «Поскольку имя (как личное, так и формальное) может выступать как социальный знак, перемена имени очень часто бывает связана с переходом в иное состояние – со сменой социума в широком смысле этого слова» [10, с. 130]. То есть смена имени, отказ от родового отчества и фамилии могут быть связаны с желанием скрыть или изменить происхождение: национальное, религиозное, социальное и др. Символически осуществляется переход в другое состояние в духовном плане: человек как будто перерождается, обновляется, начинает новую жизнь. Так, девушка, вступая в брак, как правило, берет фамилию мужа. Теперь она становится частью другой семьи, рода. При этом, связь со своим все же сохраняется – через отчество. Но её дети уже утратят эту связь. Поэтому так важно было наличие в семье сына – наследника, продолжателя рода.

Часто люди, жизнь которых связана с творчеством, с писательской деятельностью публикуют работы не под своим именем, а берут другое – используют псевдоним. Это явление наблюдается с давних пор и вызывается разными причинами. Например, некоторые женщины-писательницы использовали мужские имена, чтобы иметь возможность печататься, а также потому что к мужчинам-писателям аудитория обычно испытывает большее доверие: Аврора Дюпен (Жорж Санд), Луиза Мэй Олкотт (А. М. Барнард), Джоан Роулинг (Роберт Гэлбрейт) и др. Псевдонимы используются для создания мистификаций. Например, Алексей Толстой вместе с друзьями-единомышленниками публиковал под коллективным псевдонимом Козьмы Пруtkова сатирические произведения, высмеивая общественные пороки. А. С. Пушкин издал цикл повестей за авторством Ивана Петровича Белкина, зашифровав себя в инициалах издателя – А. П., и т.п.

Богат псевдонимами Серебряный век русской литературы. Например, Анна Андреевна Горенко использовала в качестве псевдонима фамилию бабушки-татарки, которая, как гласила семейная легенда, происходила от знаменитого ордынского рода хана Ахмата [5, с. 105]. Причиной, побудившей Анну Андреевну взять фамилию «Ахматова», стало желание обозначить связь с великими предками. Другой пример – Борис Николаевич Бугаев, известный как Андрей Белый. Псевдоним поэта возник от запрета отца писать стихи, поскольку «многие представители высшего общества, имеющие благородное происхождение, считали сочинительство недостойным трудом» [5, с. 108].

Какие бы причины не побуждали человека взять псевдоним, он в любом случае отходит от своего первого имени, полученного при рождении, которое уже успело наложить отпечаток на его жизнь. В. В. Дубровская пишет о том, что «псевдоним призван скрыть, или, по крайней мере, отодвинуть в тень подлинное имя» [4, с. 26]. Происходит в какой-то мере

раздвоение личности, потому что как бы человек не старался, от первого имени не уйти. Второе имя также начинает оказывать влияние на его судьбу, и в совокупности с первым это может дать неожиданный эффект. Если смотреть с другой стороны, человек – многогранен, и одно имя не может охватить всех его качеств. Прозвища и псевдонимы акцентируют аспекты личности, не раскрытые исконным именем.

Учитывая все вышеперечисленное, был изучен процесс творения имени поэтом Семёном Кирсановым.

Актуальность работы заключается в востребованности современным литературоведением ономапоэтических исследований, а также не иссякающим интересом ученых к творчеству писателей Серебряного века, одним из ярких представителей которого был Семён Кирсанов.

Новизна работы обусловлена тем, что исследование творчества Семёна Кирсанова в ономапоэтическом ракурсе ранее не проводилось. Анализ произведений поэта в целом посвящено незначительное количество литературоведческих работ. Ответ на вопрос о причинах обращения к использованию псевдонима, описание процесса имятворчества позволит раскрыть особенности поэтики Семёна Кирсанова.

Методология исследования опирается на приемы и методы биографического, историко-культурного, структурно-семиотического и мифопоэтического подходов.

Семён Исаакович Кирсанов родился в Одессе в семье портного. Первоначальное имя – Самуил Ицкевич Кортчик, но известен поэт не под ним, а под псевдонимом. Вероятнее всего причиной смены фамилии стало желание скрыть еврейское происхождение. Были варианты: Корсёмов, Кирсамов. Фамилия Кирсамов может выступать в качестве переходной формы между выбранной в итоге фамилией и первоначальным вариантом фамилии-псевдонима – Корсёмов, являющимся анаграммой⁵, сложенной из фамилии (**Кортчик**) и имени (**Семён**): кор- + -сём-. В итоге поэт остановился на варианте «Кирсанов». Это русская фамилия, происходящая от сокращенной формы имени Хрисанф (др.-греч. «златоцветный»). По звучанию она отдаленно напоминает родовую – Кортчик. Данное при рождении имя – Самуил, имеющее еврейское происхождение, молодой поэт заменил русифицированной формой древнеиудейского имени Симеон (Шимон) – Семён. Также он стал использовать более благозвучный вариант отчества: вместо Ицкевич – Исаакович (варианты имени: Ицек – Исаак). Так появился псевдоним: Семён Исаакович Кирсанов.

Анаграмматические эксперименты над фамилией, сопровождавшие поиски псевдонима, уже в юношеском возрасте проявили интерес поэта к игре с формой и смыслом слова. Позднее в критических отзывах за Кирсановым закрепилась роль «хронически подозреваемого в формализме» подражателя Маяковского [6, с. 8]. Однако, по мнению М.Л. Гаспарова, такое суждение ограничено. Владимир Маяковский действительно поддержал начинающего поэта, в их творчестве можно увидеть схожие приемы, однако, по мнению исследователя, больше параллелей можно обнаружить между стихами Семёна Кирсанова и Николая Асеева, вырастающими «из языка легко и естественно» [6, с. 9]. Самого Кирсанова несмотря на то, что он глубоко уважал Маяковского, огорчало, что в нём видят только продолжателя, упуская из вида несомненно оригинальные черты творчества.

Семён Кирсанов уделял большое внимание ритму и созвучиям в стихах. В каждом тексте поэт использовал приёмы, которые демонстрировали своеобразие его поэтического мастерства. М. Л. Гаспаров отмечает, что ключевыми для поэтики Семёна Кирсанова являются образы: звуковой и смысловой. Поэт любил использовать омонимические и тавтологические рифмы, способствующие приумножению смысла. Воплощение данных приёмов можно увидеть в таких произведениях, как «Птичий клин», «Одна встреча», «Семь дней недели» и др. Поэт по-особому относился к буквам азбуки, и можно предположить, что

⁵ Под анаграммой мы понимаем, вслед за Ф. де Соссюром, «передачу в отдельных слогах или фонемах разных слов...», о чем пишет В. В. Иванов во вступительной статье «Об анаграммах Ф. де Соссюра», обращая внимание на то, что швейцарский лингвист рассматривает как анаграмму имя «Scipio» из сатурнова стиха «Taurasia Cisauna Samnio cepit» [9, с. 635].

фигурные стихи привлекали Семёна Кирсанова ещё и тем, «что строились именно из букв, а не из звуков, и воспринимались глазом, а не слухом» [6, с. 15].

Экспериментировал с формой Семён Кирсанов на протяжении всего творческого пути. В 1971 году им было написано стихотворение «Икар снов...», состоящее из двадцати пяти строк, представляющих собой анаграммы псевдонима-фамилии:

Икар снов –	вина срок,
Кирсанов.	ковра синь,
– Красив он?	ор в санки,
– Рискован!	ворсинка!
В крови нас,	Он кривса –
вон – искра!	С коварни!
Новь риска,	Крас. Нови
и с кранов –	ровесник.
снов арки.	Сан крови
Кирсанов –	рвани-кось,
к – ни сорван,	Кирсанов!
к – ни совран,	Сравни-ко! [6, с. 318]
Кирсанов –	

В начале стихотворения посредством анаграммирования осуществляется смысловое наполнение имени: поэт уподоблен Икару, крылатому герою древнегреческой мифологии, рискующему жизнью и гибнущему. В дальнейшем тексте, если в каждой строке переставить местами буквы, составляющие слово (слова), получим фамилию «Кирсанов», кроме тех случаев, где она уже дана: например, «Красив он?» – Кирсанов, «ковра синь» – Кирсанов и т.д. Ответом на вопрос, кто есть Кирсанов, являются слова, имеющие одинаковое буквенное наполнение с его фамилией-псевдонимом.

Для того, чтобы расширить представление об имятворчестве Семёна Кирсанова, уместно выявить образы из лирических произведений, которые формируют образ автора, выступают контекстуальными синонимами имени. В работе «Самономинации Семёна Кирсанова в лирике: мифопоэтический аспект» мы рассмотрели стихотворения, в которых поэт ассоциирует себя с кем-либо, создаёт миф о себе. В визуальном стихотворении «Мой номер» (рисунок 1), написанном в 1925 году, описан образ «циркача стиха». Такое прозвище закрепилось за Семёном Кирсановым после публикации данного текста.

Номер
стиха
на экзамен
цирку
ареной чувств моих и дум —
уверенных ног
расставляя
к
р у
и л
ц ь
по проволоке строчки,
качаясь,
иду.
Зонт Звон.
золот. зонт.
Крут. Рук
мертв. верт.
Шаг... Флаг.
Сталь. Стал.
Взвизг! Вниз!
Жизнь, вскрик! Мыщ скрип, стон! Мир скрыт, лишь
крик стогн!
Всю жизнь глядеть
в провал пока
в аорте кровь дика!
Всю жизнь — антрэ,
игра, показ!
Алле!
Циркач стиха!

Рисунок 1. Визуальное стихотворение «Мой номер» [6, с. 47]

В стихотворении процесс творчества представляется цирком, а поэт выступает в роли канатоходца: «по проволоке строчки, / качаясь, / иду». Выходя на арену, он предстаёт перед публикой, пребывая в воздушном пространстве. Каждый раз циркач рискует сорваться с каната. Так и поэт, отдавая «номер / стиха / на экзамен / цирку», может пасть, оказавшись непонятым, непринятым читателями, коллегами, критиками. Каждый выход нового произведения – риск, но поэт принимает его. Он готов «всю / жизнь / глядеть / в провал / пока / в / аорте / кровь дика!», ведь он – «циркач стиха!» Так создается образ поэта-циркача, «циркача стиха», эквилибриста словом.

В стихотворении «Северный ветер» 1969 года примечателен образ «паучка-циркача»:

Подуло серым севером,
прогнуло лес ветрами, –
прощайтесь листья с деревом,
прощайся, сад, с цветами!

Пришла пора прощания,
дождя и увяданья,
вокзальное, печальное
«прощай» без «до свиданья».

В траве, покрытой листьями,
всю истину узнавший,

цветёт цветок единственный,
увянуть опоздавший.

Но ты увянешь всё-таки,
поникий и белёсый, –
все паутины сотканы,
запутались все осы...

Ты ж, паучок летающий,
циркач на тонком тресе, –
веси, вертись, пока ещё
зимой не стала осень! [6, с. 291]

В тексте изображены первые признаки скорого наступления зимы («подуло серым севером»), что соотносимо с завершающим этапом жизни. Центральным образом стихотворения является цветок, «увянуть опоздавший», задержавшийся в переходном состоянии между жизнью и смертью. Однако ему не удастся избежать всеобщей участи – он погибнет, потому что «все паутины сотканы, / запутались все осы». На скорое приближение гибели указывает белый цвет, соотносимый в некоторых культурах со смертью. Его носителями являются «белесый» цветок, серый дух севера и сама паутина. Образ ос в стихотворении, символизирующий метаморфозу, даёт надежду на возрождение мира. Однако мы видим, что и они запутались в паутине, а значит, тоже погибнут. На мировой масштаб происходящих событий указывает местоимение «все». Это расставание навсегда: «"прощай" без "до свидания"». Складывается представление об обреченности мира на гибель.

Провести параллель с предыдущим стихотворением позволяет образ «паучка», который сравнивается с воздушным гимнастом: «ты ж, паучок летающий, / циркач на тонком тресе, – / виси, вертись пока еще / зимой не стала осень!» Важно, что это не паук, а именно «паучок», маленький и, следовательно, такой же незащищенный перед наступающей зимой. Он балансирует на паутине, как циркач на канате, и тоже находится на грани. Не смотря на всеобщее настроение печали, последние строки проникнуты восторгом – бороться до конца! – что соотносится с кредо циркача: «пока / в / аорте / кровь дика!». Образ паука в западноевропейской культуре, как известно, связан с античным мифом об Арахне. Архетип Арахны связан с рефлексией древнего человека о природе и последствия творчества. Текстопостроение сродни прядению ткани-паутины [8, с. 18]. То есть паучок здесь – это образ поэта. Как и в случае с Икаром, и с циркачом Кирсанов ставит акценты на двух характеристиках паучка: полет и смертельный риск.

В стихотворении «Фокусник», написанном в 1966 году, лирический герой называет себя «бродячим фокусником»:

Я бродячий фокусник,
 я вошёл во двор,
 расстелил я с ловкостью
 редкостный ковёр.
 Инвалиды, школьники,
 чем вас удивить?
 Вот червонцы новенькие
 начал я ловить.
 Дворничихи в фартуках,
 гляньте из окон:
 вот я прямо с факела
 стал глотать огонь.
 Вот обвился лентами
 всех семи цветов,
 вот у ног по-летнему
 вырос сад цветов.
 Видите ли, видите ли —
 сдёрнул с головы...
 Из цилиндра вылетели
 голуби — лови!
 Я взмахнул похожим на
 веер голубой
 и поднос с пирожными
 поднял над собой.
 А богат я сказочно,
 разодет как шах...
 Но это только кажется, —
 у меня в руках
 никакого голубя,
 никаких монет —
 только пальцы голые,
 между ними — нет
 ни ковра, ни веера,
 ни глотков огня...
 Только мысль, чтоб верила
 публика — в меня! [6, с. 240]

Если образ «циркача стиха» можно назвать индивидуально-авторским, то через образ «фокусника» проявляется интертекстуальная и интратекстуальная связь с кругом бывших соратников/соперников. Образ поэта-фигляра, жонглера, фокусника и т.п. был очень популярен в литературе Серебряного века [1, с. 78]. «Фокусник», как и «циркач», восходит к архетипу персонажа-трикстера («англ. trick — "хитрость, обман; шутка, шалость; глупый поступок; фокус, трюк; умение, сноровка"; trickster — "обманщик; хитрец, ловкач"») [1, с. 44], вариациями которого также являются шут, клоун, фигляр и др. В толковом словаре В. И. Даля видим, что фигляр — это «фокусник, шут, акробат» [3, с. 534].

В анализируемом тексте важно обратить внимание на то, что фокусник «бродячий». Это даёт возможность выделить мотивы дороги и одиночества. Фокусник показывает множество чудес, но в результате оказывается, что творимое им «только кажется». Примечательно, что фокусы связаны с мотивом полета через образ птиц («вылетели голуби») и лексику («я взмахнул»). У лирического субъекта есть «только мысль, / чтоб верила / публика в меня!» Зритель становится равнозначным участником представления, без его веры

чудо не произойдет. «Фокусник» соотносится с образами Икара, «циркача стиха» и «паучка-циркача» через сопутствующий им риск и мотив полета.

Подводя итоги исследования, обозначим выявленные формы работы Семёна Кирсанова с именем: в сфере творческой биографии – псевдонимы (Корсёмов, Кирсамов, Кирсанов), со стороны звуко-буквенной организации текста – анаграммы (слова, составляющие стихотворение «Икар снов...»), в создаваемой картине мира – самономинании лирического субъекта («циркач стиха», «паучок-циркач» и «поэт-фокусник»). Различные мифологизированные варианты образа автора едины в инвариантных мотивах полета и смертельного риска творящего субъекта.

Библиографический список

1. Богумил, Т. А. В. Г. Шершеневич: феномен авторской субъективности : монография Т. А. Богумил. – Барнаул : БГПУ, 2007. – 217 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – Москва : русский язык, 1991. – 780 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. – Москва : русский язык, 1989. – 684 с.
4. Дубровская, В. В. Литературоведение: художественный мир : учебно-методическое пособие / В. В. Дубровская ; прим. и библиогр. Т. А. Богумил. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 123 с.
5. Карпинец, Т. А. «Всеобщее оборотничество»: псевдонимы поэтов серебряного века / Т. А. Карпинец, Е. А. Балакирева // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Вып. 3 / под ред. С.А. Ковалевского и др. – Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2021. – С. 102–113.
6. Кирсанов, С. И. Стихотворения и поэмы / С. Кирсанов; [вступ. ст. М. Л. Гаспарова]. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – 799 с.
7. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 2001. – 558 с.
8. Мароши, В. В. Паук за работой: архетип Арахны в рефлексивной имагологии литературы / В. В. Мароши // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 2. – С. 17–33.
9. Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
10. Фарино, Е. Введение в литературоведение: учебное пособие / Ежи Фарино. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
11. Флоренский, П. А. Имена: Сочинения / П. А. Флоренский. – Москва : ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков : Издательство Фолио, 1998. – 912 с.

**Федулов М.Д., студент 5 курса Лингвистического института,
Коротких Ж.А., канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии**
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ НА ПОНИЖЕНИЕ/ПОВЫШЕНИЕ ИМИДЖА В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются две стратегии речевого манипулирования, использованные во время избирательной кампании 2024 г. в США и в инаугурационной речи Д. Трампа: стратегия на понижение и стратегия на повышение имиджа, определяются наиболее частотные тактики, с помощью которых реализуются данные стратегии, и делается вывод, что стратегия на понижение имиджа заключается в демонстрации отрицательных качеств оппонентов и имеет целью снижение уровня доверия к ним. Стратегия на повышение фокусируется на формировании положительного имиджа самого